

о Н.К.

(текст Н.В. Чалматчекова)

Меня просили рассказать что-нибудь о Н.К.

Не перечесть всех трудов, толкующих о нем, как о великом художнике и мыслителе, но за одиннадцать месяцев нашей экспедиционной жизни, не раз я имел случай убедиться в том, что у Н.К. кроме его колоссальных мыслительных и художественных дарований имеется еще нечто, гораздо большее.

Жан Дювернуа в своей книге "Н.К." несколько раз касается этого "нечто", так что, очевидно, большинство людей так или иначе общавшихся с Н.К. имели счастье увидеть и наблюсти те светлые особенности этого художника, этого великого человека, которые ставят его выше, чем просто - "Великий художник и мыслитель".

Ниже я просто привожу несколько эпизодов из нашей экспедиционной жизни и надеюсь, что они хоть отчасти обрисуют замечательный образ Н.К.

"Надо уметь заполнять время" - говорит Н.К., и сам является ярчайшим примером человека, у которого каждая минута полезно заполнена.

Послеобеденный час; жара - 160° Фаренгейта.

Весь лагерь, расположенный посреди раскаленных скал, не движется; точно умер, засох от этого пекла. Даже монгольские, привычные кони сбились под деревом и стоят неподвижно, только хвостами помахивают, силясь отогнать мошкуру. Люди или неподвижно сидят и пьют горячую воду, или лежат, силясь заснуть.

Н.К., сидя на складном кресле, или под деревом, или в юрте, работает...

Воет страшный ветер, подымает тучи желтого песку, сдвигает, переворачивает юрты, изредка начинает падать перемешанный с песком снег, холод проникает в каждую щель, закутавшись сидят члены экс-

педиции, стараясь разогреться около печки.

Н.К. под вой ветра диктует статью о чем-то высоком... прекрасном... добром...

С ревом несется по пустыне машина, пробегая милю за милем, идя к нужной цели.

Несется - час, два, пять, десять, пятнадцать, семнадцать часов подряд; и шофер и пассажиры утомлены; засыпали по несколько раз, просыпались, сидя старались расправить затекшие члены, согреться; все мчались и мчались в туманную даль.

Тяжки монгольские дороги, - редко, редко попадется коротенькая прямая, а потом опять начнет дорога выписывать вензеля, машину кидает из стороны в сторону, подлетает она на ухабах, с воем ползет по глубоким пескам, взбирается на горы, летит по долинам.

Н.К. бросает несколько слов; через некоторое время еще заговорит, и по его словам видишь, что он и тут работает. Тут в этой гонке по монгольским степям ни на минуту не прерывается его мысль.

Тихо в лагере, на небе мерцают звезды, все спит. Только мерные шаги часового раздаются в этой тишине ночи. Наступает время смены, подходит сменяющий, при свете звезд кажущийся каким-то сенным, неясным.

"Ну как, все благополучно?"

"Все ладно."

Подошедший кивает головой на юрту Н.К.

"Спит?"

"Нет."

Один шагает по лагерю, чутко прислушиваясь ко всеменным звукам пустыни, другой отправляется спать. Через два часа новая смена.

"Спит?"

"Нет."

Только под самое утро слышно из юрты ровное дыхание спящего человека. Начальник экспедиции кончил работать. А с восходом солнца он уже выходит из дверей юрты - здоровый, свежий, бодрый...

Мы стоим в месте, мрачном по его прошлому. Это старинный монастырь, в котором произошло двойное убийство и самоубийство; пролитая кровь прервала служение монахов навсегда...

В соседних горах полегло десять тысяч китайцев...

По ночам дежурный беспокоят какие-то странные звуки, которые никак нельзя объяснить, неожиданно бьет в нос запах разлагающегося трупа у ступеней, появляются какие-то тени...

Долго не говорят друг другу об этих явлениях часовые, но потом разговаривают и решают рассказать обо всем Н.К. Двое заинтересованы, третий нервничает, на него наводит все происходящее жуть.

Как всегда, с приветливой улыбкой, выслушивает Н.К. рассказы своих подчиненных; больше всех говорит тот, кому жутко, само слово "жуть" часто срывается с его уст. Он храбрый человек, долго дрался с хунхузами в Манчжурии, но тут нечто, - чего не возьмешь пулей, и ему не по себе.

Долгим ласковым взглядом смотрит Н.К. на лицо рассказчика и говорит: "Интересно, очень интересно, продолжайте наблюдать!"

Ночью, вставая на смену, я твердо решил довести до возможной точности свои наблюдения, но... ничего в два моих часа не произошло. Не произошло и в дежурство других... И до самого конца нашего пребывания в древнем монастыре, никто не слыхал больше никаких звуков вокруг, кроме воя ветра, да хохота и уханья сов и филинов в скалах.

В одно из дежурств я слышал чудный аромат фиалок... двор был бел от свежего снега.

В узком ущелье расположен беженский халхасский монастырь; от лап вандалов бежала группа лам, с трехдневным боем пронесли монахи свои святыни через грозную границу и основали монастырь во внутренней Монголии.

Денно и нощно перед древними святынями теплится священный огонек, монотонно читают монахи молитвы... Тихо, тихо, почти шепотом, говорят о Великой Шамбале...

Сегодня в маленьком монастыре оживление, приехали "новые люди", которых монахи никогда еще не видали. Старик с большой седой бородой, его сын и двое вооруженных людей.

Старший лама приглашает войти в юрту; следуют обязательные любезные фразы и затем разговор мало по малу переходит на более оживленные темы.

Н.К. не говорит по монгольски, но все понимает, переводит Ю.Н.

Через некоторое время тихо раздается слово "Чамбали". Святое для монголов слово, берегут они его больше всего, не выдаут и не скажут зря, а тут прозвучало оно в устах ламы скоро, всего через час какой-нибудь после нашего разговора.

Вскоре радостно сияют глаза лам. Идут показывать свои святыни. А показав, просят Н.К. возжечь, кроме обычных полагающихся к возжению светильников, еще большой огонь у святилища. Мало кто, кроме старшего ламы, может возжечь его.

Понял лама своего гостя, потому и попросил зажечь этот светильник.

Светлой рукой зажженный огонь - добрый огонь.

Долгое время находимся на одном месте, искали порядочные пространства вокруг, но ничего не могли найти.

Ботаника еще не двигается - холодно и нет никаких признаков растительности, остается археология и минералогия; но несмотря на поиски, ничего не нашли.

Вечером, выйдя на улицу из юрты подышать свежим воздухом, встречаюсь с Н.К., он стоит и смотрит на голые в красных отблесках скалы, на расстилающуюся перед нами пустыню.

Н.К. протягивает руку и показывает на расположенные верстах в десяти, кажущиеся в лучах заходящего солнца темным провалом, ущелье.

"Съездите завтра с Мишой туда, думаю, что найдете что-либо".

На другой день возвращаемся нагруженные костями, чуть ли не каменного века, кусками добытого из-под земли дерева и прочими интересными вещами.

Утром, после чая, т.е. около семи часов, Н.К. дает распоряжения на день.

Предстоит дальние поездки за семенами, все, что было поблизости от лагеря, выбрано в "пешем и конном строю", теперь очередь наших машин. Кругом горы и степи; куда поехать, где найти интересующие нас виды? За день можно исколесить сотни миль и не найти ничего.

"Поезжайте за Олон Суме, на север, поищите там."

Еду на своем додже в указанном направлении. Могучая машина по гладкой степи проходит милю за милем, то взлетая на холмы, то спускаясь в распадки.

Вот вправо остается Олон Суме, беру направление на север и несусь по прямой, насколько возможно.

Десять, пятнадцать, двадцать миль; монотонно гудит мотор.

Сидящий рядом со мной в кабине китаец ботаник напряженно всматривается в окно кабинки на мелькающие мимо кустики и травинки. Нужного ничего нет, одна каргана да чай.

Стараясь перекричать гул машины, ботаник кричит, что ничего мы в этой стороне, вероятно, не найдем.

Цифра за цифрой выползает под зеркальным стеклом счетчика.

Вдруг ботаник оживился, замахал руками, высунулся в окно, — "Стоп, стоп."

Н.К. сказал ехать на север от Олон Суме, распоряжение выполнено, найден новый, очень ценный, вид агропирамида. Сам он туда никогда не ездил.

В роскошном номере отеля, после окончания трудового дня расходимся по своим номерам, поговорив о делах и о том и о сем. Прощаемся, и Н.К. говорит как-то особенно свое "спокойной ночи".

Уже затемнело, с большой скоростью въезжаем в Чапсер. Граница Китая и Монголии, дальше ехать невозможно, темь хоть глаза выколи, дорога опасна.

Приходится ночевать здесь в этом пограничном селении, притулившемся своими серенькими глинобитными фанзами к горам с правой стороны ущелья.

Шофер Сарат заезжает на один из постоянных дворов, посреди ограды пылает солома, освещая лица греющихся китайцев и монголов. Лица у всех бронзовые, красным отблеском костра поблескивают узкие, раскосые глаза.

Сарат пытливо всматривается в окружающих и вдруг, не говоря ни слова, резко дает задний ход и вылетает со двора.

В чем дело?

"Мо байна."

Спорить не приходится, он местный житель, опытен, бывал во всяких передрягах и каким-то шестым чувством стреляного воробья чувствует это "мо байна".

Заезжаем во второй постоянный двор. Тут еще хуже, к автомобилю бросается какой-то китаец. Сарат делает крутой разворот и дает полный ход, китаец не успевает схватиться за дверцу и со страшными ругательствами остается во дворе.

"Мо байна."

Опять это "мо байна", и дело плохо, в чем именно суть не разберу, но опять какие-то непонятные для европейца истории Средней Азии, которые иногда случаются и так и остаются для нас непонятными.

Едем в третий, удается занять какой-то сарай, холодный, насквозь продуваемый ветром, но все же есть крыша, а это большой плюс, т.к. если пойдет снег, то мы спасены от него.

Нашего каравана из двух грузовиков не видно и не слышно, где-то видимо отстали, может быть заблудились, потеряли дорогу, а может быть там, около разбитой хунхузами деревни... лучше об этом не думать, еще накличешь беду.

Там наши теплые спальные мешки и пища. Мы не ели целый день, т.к. торопились.

Все, что мне удалось достать, это несколько крутых яиц и чайник кипятку... Достаю две охапки соломы и делаю постель для Н.К., постилая ее прямо на остаток какого-то каната. Н.К. укладывается на солому. Тушим свечку. Ю.Н. и я решаем по очереди дежурить.

"Спокойной ночи", - раздается из темноты.

То же спокойное "спокойной ночи", как и в фешенебельном отеле, тот же ровный, спокойный, ласковый голос. Никакая обстановка, никакие обстоятельства не имеют значения для Н.К. Ночь проходит спокойно.

Сарат гонит, его фордик дает все, что может, стрелка спидометра подходит к 50 и колеблется около этой цифры. Сарат торопится, опять видно "мо байна".

На такой скорости шоферская привычка дает себя знать, невольно

впиваешься глазами в колею, не обращая внимания на виды, мелькающие по сторонам.

Вдруг становится заметным и быстро приближается к нам оказавшийся за поворотом, большой камень, уютно примостившийся на нашей колее. Затормозить нет времени. Сарат делает легкий рывок - хочет перескочить в другую колею, но случается то, что обыкновенно случается в большинстве таких случаев: передок машины подпрыгнув идет по новой колее, зад заедает, и машина со скрипом и шипением, задом начинает залетать в сторону.

По всем соображениям мы должны перевернуться.

Кузов машины старенький, разбитый, лопнет обязательно. Слышу как правый скат отделяется от земли, крен все больше и больше... Но вот машина замедляет свое вращательное движение, хлопается поднявшись на воздух скатом о землю и останавливается.

Поднятая пыль застилает все кругом, шумит на холостом ходу мотор.

"А здорово", - прерывает молчание Н.Н. - "задом на перед встали".

Здорово -то не то, что задом на перед встали, мелькает у меня в мозгу, а то, почему мы вверх ногами не встали.

Сарат тоже шофер и по его побледневшему лицу и изумленным глазам вижу, что у него в голове то же.

Н.Н. спокойно сидит и поглаживает свою серебристую бороду.

Случаев, подобных этому, когда так просто можно было выйти из состояния равновесия, по той или иной причине, и когда Н.Н. оставался все тем же ровным и спокойным, как будто ничего не произошло, можно привести столько, что получится целая книга. Никакие обстоятельства никогда не влияли на его настроение.

Невольно приходится обратить внимание и на то, что несмотря на наличие шаек в окрестностях нашего расположения, на убийства, несколько раз происходившие вокруг, с нашим составом не произошло ничего, хотя по всем обыкновенным рассуждениям, пожалуй, и должно было произойти.

Помню, как подошел ко мне однажды один из наших бурят - Таси, и говорит:

"Ээ, паря, а дедушка то, паря,шибко много знает, все знает, паря, все, ничего не будет."

Говорят, что простые люди сердцем иногда узнают больше, чем развитой человек своим тренированным умом. Похоже на то.

Мало ли чего может прийти в голову человеку, который в течение целого дня едет на лошади по жаркой монгольской степи. То рысью, то наметом, то шагом продвигается низкорослая степная лошадка. А кругом все степь, да степь, едешь и не знаешь, сдвинулся ты хоть немного с места или нет, до того все подчас бывает однообразно.

Вот и остается только смотреть по сторонам и думать. Много мыслей при таком времяпрепровождении пройдет за день, и текут они ровным потоком, претворяясь из одной в другую до тех пор, пока вдруг не придут к чему-то такому, чего как будто нельзя разрешить.

Как ни ломает себе голову всадник, ничего не выходит, не может он пробить невидимую стенку, к которой привели его собственные же мысли. И чувствует, что одному не выйти из этого тупика, болезненного из-за своей неразрешимости.

Но не унывает всадник.

Скоро поднимется он на горный перевал, виднеющийся вдали, а за ним покажется ряд юрт и палаток, и в одной из этих юрт он найдет ответ на мучающий его вопрос.

Живет в этой юрте человек, все монголы по окрестным степям знают его и почтительно о нем говорят, называя его Ихи-Бакша, что значит в переводе на русский - Великий Учитель.

Входит приехавший всадник в юрту и задает свой вопрос.

Что бы ни делал Ихи Бакша, а никогда не откажет, и всегда на вопрос готов ответ. Тихим ровным голосом льются слова, согревает ласковый добрый взгляд и все яснее и яснее становится мысль, рушится тупик; вот он и совсем рухнул; то, что казалось неразрешимым, теперь кажется простым и понятным. Выходит человек из юрты, посмотрит на небо, на догорающий закат и заметит, что мир то стал еще прекраснее.

Не спит маленький серенький, ждет каждого удобного момента, в который можно было бы влезть в сердце человеческое, забросить туда дряннелькую мысль, авось да клюнет, попадется на удочку, засомневается, а тогда уже за маленьким сереньким проберется и большой черный. Проберется словно вода в треснувший камень плотины.

Возится человек с засушенным растением, а сам думает и не может уяснить себе, хороша ли его мысль.

Входит в юрту Н.К. не доволен. Думает, что работа не в порядке, спрашивает об этом.

"Нет, все хорошо."

Видно дело не в растении. Опять вопрос.

"Мысли мне ваши не нравятся."

"Как... почему..." растерянно бормочет человек, а сам в то же время уже начинает сознавать, что мысли то действительно плохи.

В присутствии Н.К. как то сразу резче становится граница между тьмой и светом и вот в голове уже формируется вопрос. Дается ответ.

Через несколько минут маленький серенький летит стремглав туда, откуда он так настойчиво столько времени процарапывался и уже было

II

залез. Летит и ревет от бессильной злобы и бешенства.

В следующий раз ему уже не влезть, человек уже осознал около чего он находился и в следующий раз он будет осторожнее и разборчивее.

А ведь цель то уже так близка, ох если бы не этот могучий, светлый, который без труда узнал его притаившегося и указал на него тому, около которого он так хорошо было устроился, да и не только указал, а еще и помог так его отшвырнуть, что вот теперь он летит разбитый и посрамленный.

Темная мысль пресечена, идет дальнейший разговор. Н.К. как всегда тихо и ровно говорит о том, как надо любить Иисуса Христа и Преподобного, как проникнуться любовью к ним, чтобы при одном имени их, самим ли произнесенным или услышанном, на сердце становилось трепетно тепло.

И чувствует слушающий, что от этих слов светлых, произнесенных с такой силой, у него самого затрепетало теплой радостью сердце. И вместо маленького серенького, входит что-то Большое, Светлое, Прекрасное, Святое.

Вот так и по всему миру, словом, печатью, прекрасными творениями и еще иными путями сеется Н.К. спешно и неутомимо Это Большое, Светлое, Прекрасное, Святое.....

Jan 7-1930.
Rassvet

О.Н.К. РЕРИХЕ

Меня просяли рассказать что-нибудь о Николае Константиноюче.

Не перечесть всех трудов толкующих о нем, как о великом художнике и мыслителе, но за одиннадцать месяцев нашей экспедиционной жизни, не раз я имел случай убедиться в том, что у Н. К. кроме его колосальных мыслительных и художественных дарований имеется еще нечто гораздо большее.

Жан Дювернуа в своей книге «Рерих» несколько раз касается этого «ничто», так что очевидно большинство людей так или иначе общавшихся с Н. К. имели счастье увидеть и наблюдать те светлые особенности этого великого человека, которые ставят его выше, чем просто — «великий художник и мыслитель».

Ниже я просто привожу несколько эпизодов из нашей экспедиционной жизни и надеюсь, что они хоть отчасти обрисуют замечательный образ Н. К.

**

«Надо уметь заполнять время» — говорит Н. К. и сам является ярчайшим примером человека, у которого каждая минута полезна и заполнена.

Послеобеденный час, жара 160° Фаренгейта.

Весь лагерь, расположенный посреди раскаленных скал, не движется; точно умер, засох от этого пекла. Даже монгольские, привычные кони сбились под деревом и стоят неподвижно, только хвостами помахивают, сплюснувшись отогнать мошку. Люди или не подвижно сидят и пьют горячую

воду, или лежат силясь заснуть.

Николай Константинович, сидя на складном кресле, или под деревом или в юрте, работает..

Воет страшный ветер, подымает тучи желтого песку, сдвигает, переворачивает юрты, изредка начинает падать перемешанный с песком снег, холод проникает в каждую щель, закутавшись сидят члены экспедиции, стараясь разогреться около печки.

Н. К. под вой ветра диктует статью, о чем то высоком... прекрасном... добром.

С ревом несетя по пустыне машина, пробегая мимо за милю идя к нужной цели. Несется час, два, пять, десять, пятнадцать.... часов подряд, и шофера и пассажиры утомлены; уже засыпали по несколько раз, просыпаясь, сидя старались исправить затекшие члены, согреться; и все мчались и мчались в туманную даль.

Тяжки монгольские дороги, — редко попадается коротенькая прямая, а потом опять пачнет дорога выписывать вензеля, машину кидает из стороны в сторону, подлетает она на ухабах, с воем ползет по глубоким пескам, взирается на горы, летит по долинам.

Н. К. бросает несколько слов: через некоторое время еще заговорит и по его словам видишь, что он и тут работает. Тут в этой гонке по монгольским степям ни на минуту не прерывается его мысль.

Тихо в лагере, на небе мерцают яркие звезды, все спит. Только мерные шаги часовного раздаются в этой тишине ночи. Наступает время смены. Подходит сме-

няющий, при свете звезд кажущийся каким то серым, неясным.

«Ну, как, все благополучно?

«Все, ладно». Подошедший кивает головой на юрту Н. К.

«Спит?». «Нет». Один идет шагать по лагерю, чутко прислушиваясь ко всем ночным звукамстыни, другой отправляется спать. Через два часа новая смена.

«Спит?».

«Нет».

Только под самое утро слышно из юрты ровное дыхание спящего человека. Начальник экспедиции кончил работать. А с восходом солнца он уже выходит из дверей юрты — здоровый, свежий, бодрый.

**

Мы стоим в месте мрачном по его прошлому, это старинный монастырь, в котором произошло двойное убийство и самоубийство, пролитая кровь прервала служение монахов навсегда...

В соседних горах полегло десять тысяч китайцев...

По ночам дежурных беспокоят какие то странные звуки, которые никак нельзя обяснить, неожиданно бьет в нос запах разлагающегося трупа у ступеней, появляются какие то тени.

Долго не говорят друг другу об этих явлениях часовые, но потом разговариваются и решают разговорить обо всем Н. К. Двое заинтересованы, третий нервничает, на него наводит все происходящее жуть.

Как всегда, с приветливой улыбкой, высушивает Н. К. рассказы своих подчиненных, больше всех говорит тот, кому жутко, само слово жуть часто срывается с его уст. Он храбрый человек, долго дрался с хунхузами в Манжурии, но тут нечто, — чего не

взьмешь пулей и ему не по себе.

Долгим ласковым взглядом смотрит Н. К. на лицо рассказчика и говорит: «Интересно, очень интересно, продолжайте наблюдать».

Ночью вставая на смену я твердо решил довести до возможной точности свои наблюдения, но... ничего в два моих часа не произошло. Не произошло и в дежурство других... И до самого конца нашего пребывания в древнем монастыре, никто не слыхал больше никаких звуков вокруг, кроме воя ветра, да хохота и уханья сов и филинов в скалах.

В одно из дежурств я слышал чудный аромат фиалок... двор был бел от свежего снега.

**

В узком ущелье расположен беженский халхасский монастырь; бежала группа лам, с трехдневным боем пронесли монахи свои святыни через границу и основали монастырь во Внутренней Монголии.

Денно и нощно перед древними святынями теплится священный огонек, монотонно читают монахи молитвы, тихо, почти шепотом говорят о великом Шамбале...

Сегодня в маленьком монастыре оживление, приехали «новые люди», которых монахи никогда еще не видели. Старый с большой седой бородой, его сын и двое вооруженных людей.

Старший лама приглашает войти в юрту; следуют обязательные любезные фразы и затем разговор мало по малу переходит на более серьезные темы.

Через некоторое время тихо раздается слово — «Чамбали» святое для монголов слово, берегут они его больше всего, не выда-

дут и не скажут зря, а тут про-
звучало оно в устах ламы скоро,
всего через час какойнибудь по-
сле начала разговора. Вскоре ра-
достно сияют глаза лам. Идут по-
казывать свои святыни. А пока-
зывав просят Н. К. возжечь, кроме
обычных полагающихся к возже-
нию светильников, еще большей
огонь у святилища. Мало кто,
кроме старшего ламы, может за-
жечь его. Понял лама своего гос-
тя, потому и попросил зажечь
этот светильник. Светлой рукой
зажженный огонь — добрый огонь.

**

Долгое время находимся на од-
ном месте, исколесили порядочные
пространства вокруг, но ничего
не могли найти. Ботаника еще не
двигается — холодно и нет ни
каких признаков растительности,
остается археология и минера-
логия, но несмотря на поиски,
мало нашли.

Вечером выйдя на улицу из
юрты подышать свежим воздухом,
встречаюсь с Н. К. Он стоит и
смотрит на огненно красный за-
кат солнца. Подхожу к нему и
тоже смотрю на голые в красных
отблесках скалы, на расстилаю-
щуюся перед нами пустыню.

Н. К. протягивает руку и по-
казывает на расположение вер-
стах в 10, кажущееся в лучах
заходящего солнца темным прова-
лом, ущелье.

«С'ездите завтра с Мишой туда,
думаю, что найдете что ли-
бо».

На другой день возвращаемся
нагруженные костями, чуть ли не
каменного века, кусками добыто-
го из под земли дерева и про-
чими интересными вещами.

**

Утром, после чая, т. е. около
семи часов, Н. К. дает распоря-

жение на день. Предстоит даль-
ние поездки за семенами, все,
что было поблизости от лагеря
выбрано в «пешем и конном
строю», теперь очередь наших
 машин.

Кругом горы и степи; куда по-
ехать, где найти интересующие
нас виды? За день можно исколе-
сить сотни миль и не найти ни-
чего.

«Поезжайте за Олон Суме, на
север, поищите там».

Еду на своем долге в указан-
ном направлении. Могучая машт
на по гладкой степи проходит ми-
лю за милю, то взлетает на хол-
мы, то спускается в распадки.
Вот вправо остается Олон Суме,
беру направление на север и не-
сусь по прямой, насколько воз-
можно.

Десять, пятнадцать, двадцать
миль; монотонно гудит мотор. Си-
дящий рядом со мной в кабине
китаец ботаник напряженно всма-
тривается в окно кабинки на ме-
лькающие мимо кустики и травяни-
ки. Ничего нужного нет, одна
карбана на чай. Стараясь
перекричать гул машины, бота-
ник кричит, что ничего мы в
этой стороне вероятно не найдем.

Цифра за цифрой выползает
под зеркальным стеклом счетчи-
ка. Вдруг ботаник оживился, за-
махал руками, высыпался в ок-
но: — «Стоп, стоп». Н. К. сказ-
ал ехать на север от Олон Су-
ме, расположение выполнено,
найден новый очень ценный вид
агроцирума. Сам он туда никогда
не ездил.

(Окончание следует).

Н. Грамматиков.

О Н. К. РЕРИХЕ

24

Jan 8 - 1936
Russie

(Окончание)

В номере отеля; после окончания трудового дня, расходимся по своим номерам, поговорив о делах и о том и о сем. Прощаемся и Н. К. как-то особенно говорит свое «спокойной ночи».

Уже затемно, с большой скоростью въезжаем в Ч. Граница Китая и Монголии, дальше ехать невозможно, темь хоть глаза выколи, дорога опасна.

Приходится ночевать здесь в этом пограничном селении, притулившемся своими серенькими глиняобитыми фанзами к горам с правой стороны ущелья.

Шоффер Сарат заезжает на один из постоянных дворов, посередине ограды пылает слома, освещая лица греющихся китайцев и монгол. Лица у всех бронзовые, красным отблеском костра поблескивают узкие, раскосые глаза. Сарат пытливо всматривается в окружающих и вдруг, ни слова ни говоря, резко дает задний ход и вылетает со двора.

В чем дело?

«Мо байна».

Спорить не приходится, он местный житель, опытен, бывал во всяких передрягах и каким то шестым чувством стрелявшего воробья чувствует это «мо байна».

Заезжаем во второй постоянный двор. Тут еще хуже, к автомобилю бросается какой то китайец. Сарат делает крутой разворот и дает полный ход, китайц

не успевает схватиться за дверцу и со страшными ругательствами остается во дворе.

«Мо байна». Спать это «мо байна», дело плохо, в чем именно суть не разберу, опять какие то непонятные для европейца истории Средней Азии, которые иногда случаются и так и остаются для нас непонятными.

Едем в третий. Удастся занять какой то сарай, холодный, пакшвоздь продуваемый ветром, но все же есть крыша, а это уже большой плюс, так как если пойдет снег, то мы спасены от него.

Достаю две охапки соломы и делаю постель для Н. К., постилаю ее прямо на какой то остаток старого каната. Нашего каравана из двух грузовиков не видно и не слышно, где то видимо отстали, может быть заблудились, потеряли дорогу, а может быть там, около разбитой хунхузами деревни... лучше об этом не думать, еще накличешь беду. Там наши теплые спальные мешки и плаща. Мы не если целый день, так как торопились.

Все, что мне удалось достать это несколько крутых яиц и чайник кипятку. Н. К. укладывается на солому. Тушим свечку. Ю. Н. и я решаем по очереди дежурить.

«Спокойной ночи», раздается в темноты.

То же самое «спокойной ночи»

как и в фешенебельном отеле, тот же ровный, спокойный, ласковый голос. Никакая обстановка, никакие обстоятельства не имеют значения для Н. К. Ночь проходит спокойно.

Сарат гонит, его фордик дает все, что может, стрелка спидометра подходит к 50 и колеблется около этой то цифры. Сарат торопится, опять видно «мо бойна». На такой скорости шофферская привычка дает себя знать, невольно впиваешься глазами в колен, не обращая внимания на виды мелькающие по сторонам.

Вдруг останавливается заметным и быстро приближаются к нам ока завшийся за поворотом, большой камень, уютно примостившийся на нашей колеи. Затормозить нет времени. Сарат делает легкий рывак — хочет перескочить на другую колею, но случается то, что обыкновенно случается в большинстве таких случаев, передок машины подпрыгнув идет по новой колее, зад заедает и машина со скрипом и пищением, задом начинает залетать в сторону.

По всем соображениям мы должны перевернуться.

Кузов у машины старенький разбитый, лопнет обязательно. Слыши как правый скат отделяется от земли, крен все больше и больше... Но вот машина замедляет свое вращательное движение, хлопается поднявшимся на воздух скатом о землю и останавливается.

Поднятая пыль застилает все вокруг; шумят на холостом ходу мотор.

«А здорово» прерывает молча-

ние Ю. Н. «Задом наперед встали». Здорово то не то, что задом наперед встали, мелькает у меня в мозгу, а то, почему мы вверх ногами не встали.

Сарат тоже шоффер и по его побледневшему лицу и изумленным глазам виду, что и у него в голове то же:

Н. К. спокойно сидит и поглаживает свою серебристую бороду.

Случаев подобных этому, когда так просто можно было выйти из состояния равновесия по той или иной причине и когда Н. К. оставался все тем же ровным и спокойным, как будто ничего не произошло, можно привести столько, что получится целая книга. Никакие обстоятельства никогда не влияли на его настроение. Невольно приходится обратить внимание и на то, что несмотря на наличие шаек в окрестностях нашего расположения, на убийства несколько раз происходившие вокруг, с нашим составом не произошло ничего, хотя по всем обыкновенным рассуждениям, пожалуй, и должно было бы произойти.

Помню как подошел ко мне один из наших бурят-Туши и говорит:

«Э паря, а начальник то, па-
ря, много,шибко много знает,
все паря знает, все,ничего не
будет».

Говорят, что простые люди сердцем иногда узнают больше, чем развитый человек своим тренированным умом. Похоже на то.

Мало ли чего может прийти в голову человеку, который в течение целого дня едет на лошади по жаркой монгольской степи. То

15

рысью, то наметом, то шагом ⁶ продвигается низкорослая степная лошадь. А кругом все степь, да степь, едешь и не знаешь сдвинулся ли ты хоть немного с места или нет, до того все, подчас, бывает однообразно.

Вот и остается только смотреть по сторонам и думать. Много мыслей при таком времяпрепровождении пройдет за день в голове и текут они ровным потоком, претворяясь из одной в другую до тех пор, пока вдруг не придут к чему то такому, чего как будто нельзя разрешить.

Как ни ломает себе голову всадник, ничего не выходит: не может он пробить невидимую стenu, к которой привели его собственные же мысли; и чувствует, что одному не выйти из этого тунка, болезненного из за своей неразрешимости. Но не унывает всадник. Скоро поднимается он на горный перевал, виднеющийся вдали, а за ним покажется ряд юрт и палаток, и в одной из этих юрт он найдет ответ на мучающий его вопрос.

Живет в этой юрте человек, все монголы по окрестным селениям, знает его и почтительно о нем говорят, называя его Ихи Бакша — что в переводе на русский язык значит Великий Учитель.

Входит приехавший всадник в юрту и задает свой вопрос.

Что бы не делал Ихи Бакша, а никогда не откажется и всегда на вопрос готов ответ. Тихим ровным голосом льются слова, со гревают ласковый добрый взгляд и все яснее и яснее становится мысль, рушится туник; вот он и

совсем рухнул, то, что казалось неразрешимым, теперь кажется простым. Выходит человек из юрты, посмотреть на небо, на догорающий закат и заметит, что мир то стал еще прекраснее.

Не спит маленький серенький, ждет каждого удобного момента, в который можно бы было влезть в сердце человеческое, забросить туда дряненькую мысль, авось да клюнет, попадется на удочку, за сомневается, а тогда уж за маленьким сереньким проберется и большой черный.

Проберется словно вода в треснувший камень плотины.

Возится человек с засущенным растением, а сам думает и не может уяснить себе, хороша ли его мысль?

Входит в юрту Н. К. и смотрит как укладывается растение.

Работавший видит, если вернес чувствует, что чем то Н. К. не довolen. Думает, что работа не в порядке, спрашивает об этом. «Нет, все хорошо».

Видно дело не в растении. Опять вопрос.

«Мысли мне ваши не нравятся».

«Как... почему...», растерянно бормочет человек, а сам то в то же время уже начинает сознавать, что мысли то действительно плохи.

В присутствии Н. К. как то сразу резче становится граница между тьмою и светом и вот в голове уже формируется вопрос. Дается ответ.

Через несколько минут маленький серенький летит стремглав туда, откуда он так настойчиво

столько времени процаранывался и уже было залез. Летит и ревет от бессильной злобы и бешенства. В следующий раз ему уже не влезть, человек уже осознал около чего он находился и в следующий раз он будет осторожнее и разборчивее.

А ведь цель та была уже так близка, ах, если бы не этот мотучий светлый, который без труда узнал его притаившегося и указал на него тему, около которого он так было хорошо устроился, да и не только указал, а еще и помог так его отшвырнуть, что вот теперь он летит разбитый и искорамленный.

Темная мысль пресечена, идет дальнейший разговор. Н. К. как всегда тихо и ровно говорит о том, как надо любить Христа и Преподобного, так проникнуться любовью к ним, чтобы при одном имени их самим ли произнесенным или услышанном, на сердце становилось трепетно тепло. И чувствует слушающий, что от этих светлых слов произносимых с такой силой, у него самого затрепетало тепло радостью сердце. И вместо маленького серенького, входит что то большое, светлое, прекрасное, святое.

Вот так и по всему миру, словом, печатью, прекрасными творениями и еще иными путями сеется Николаем Константиновичем спешно и неутомимо это большое, светлое, прекрасное, святое...

Н. Грамматчиков.

1935 г.
Монголия.